

О семантическом картировании поля побудительности чешским и русским языками

© кандидат филологических наук А. И. Изотов, 1998

Существующие семантические классификации видов побуждения можно условно разделить на две группы: одни исследователи анализируют по степени синонимичности представленные в том или ином (например, в русском) языке глаголы речевой каузации, другие исходят из классификационных критериев, принятых в теории речевых актов. Оба подхода (первый более традиционен, второй в настоящее время несколько популярнее) имеют свои плюсы и минусы. К недостаткам первого можно отнести опасность смешения базовых и маргинальных семантических интерпретаций (что налицо, например, в одной из последних интересных классификаций данного типа в [Панин 1993: 86]) и трудности его применения при сопоставительных исследованиях, к недостаткам второго — необходимость введения дву- или даже многословных определений, при этом «степень субъективизма» исследователя практически ничем не ограничена (так, в материалах ленинградской конференции (1988) мы находим множество подобных интерпретаций: от «мягкой просьбы» до «категорического приказа» или, если угодно, до «мягкого приказа» [так! см. с. 58], ср.: «настоятельное требование», «равнодушное разрешение», «просьба-мольба», «сдержанная, но настойчивая просьба», «резко настоятельная просьба», «неохотное согласие», «равнодушно-презрительное согласие» [все на с. 29]).

Удачное сочетание названных двух подходов мы находим в работах В. С. Храковского, исходящего при структурировании поля побуждения из прагматических критериев, однако отмечающего, что «в принципе в каждом конкретном языке, в том числе и в русском, есть столько семантических интерпретаций повелительных предложений, сколько в этом языке представлено несинонимичных глаголов речевой каузации» [Теория... 1990: 204]. Данный тезис представляется нам методологически важным, так как позволяет нам сопоставлять, допуская неодинаковое картирование поля побуждения различными языками, семантические интерпретации побуждения в современных чешском и русском языках, не подгоняя данные одного языка под данные другого. Дело не только в том, что один язык может располагать особым каузативом там, где другому требуется двусложное сочетание (ср. русск. *мольба* и

чешск. *úpěnlivá prosba*; функциональное противопоставление *prosba ~ úpěnlivá prosba* букв. 'просьба' ~ 'слёзная, жалобная просьба' мы находим, например, в [Flidrová 1980: 215]. Менее заметны, а потому более сложны случаи неполного соответствия каузативов.

Мы считаем однако, что имеет смысл исходить из того, что и в чешском, и в русском языковом пространстве (как, по-видимому, в любом естественном языке) количество вариантов членения поля побудительности существенно превосходит число словарно зафиксированных несинонимических глаголов речевой каузации, так как разные носители языка могут членить это поле по-разному в зависимости от своей языковой компетенции и склада характера: для кого-то существует только *приказ* и *просьба* (все, что не *просьба* — *приказ*, а все, что не *приказ* — *просьба*), в языковой картине мира другого существует еще и *совет*, кто-то третий улавливает (или, вернее, определяет для себя) разницу между *приказом* и *приказанием* и т.д. Более того, мы вполне допускаем, что даже в языковом сознании одного и того же человека подтипы побуждения могут в разное время группироваться неодинаково. При этом очевидно, что некоторые (наиболее социально значимые) семантические интерпретации будут выделяться в принципе всеми носителями языка и всегда, а другие (маргинальные) — не всеми и не всегда. Так, легко представить носителя русского языка, не видящего различий между упомянутыми выше *приказом* и *приказанием*, но вряд ли кто-то в твердом уме и трезвой памяти перепутает *приказ* и *просьбу*. Полевая природа категории побудительности допускает различные варианты своего структурирования, может быть выделено (и реально выделяется разными носителями языка, а иногда одними и теми же носителями языка в различных конкретных актах коммуникации) разное число подтипов побуждения, при этом чем «мельче» будет членение, чем большее количество несинонимичных интерпретаций будет выделяться, тем выше вероятность несовпадения мнений различных носителей языка и, как следствие, тем больше будет отмечаться различий при межъязыковом сооставлении.

Мы склонны исходить из принципиальной соотносительности основных социально значимых семантических интерпретаций побудительных высказываний в современных чешском и русском языках, не закрывая глаза на отсутствие однозначного соответствия вычлениаемых носителем того или другого языков спектра частных семантических интерпретаций.

Сравнив список наиболее социально значимых семантических интерпретаций побуждения в русском речепотреблении В. С. Храковского и Л. А. Бирюлина с аналогичным чешским списком М. Грeпла и П. Карлика и с основными типами речевых актов, анализируемых А. Вежбицкой, мы склонны рассматривать в качестве функционально соотносительных следующие вычленяемые в чешском и русском речепотреблении семантические интерпретации побудительных высказываний: приказ — *rozkaz*, запрет — *zákaz*, инструкция — *instrukce*, разрешение — *dovolení*, просьба — *prosba*, требование — *žádost*, предостережение — *varování*, предложение — *návrh*, совет — *rada*, призыв — *vůzva*, которые могут быть сгруппированы следующим образом:

- Подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация высокой степени вероятности каузируемого действия*: русск. приказ, запрет, разрешение, инструкция; чешск. *rozkaz*, *zákaz*, *dovolení*, *instrukce*.
- Подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия*: русск. просьба, требование; чешск. *prosba*, *žádost*.
- Подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация полезности для Агенса каузируемого действия / воздерживания от действия*: русск. совет, предостережение; чешск. *rada*, *varování*.
- Подтипы побуждения, не маркированные ни по одному из названных выше признаков: русск. предложение, призыв; чешск. *návrh*, *vůzva*.

Названные семантические интерпретации побудительных высказываний представляют собой абстракции, при более пристальном рассмотрении способные распадаться на ряд более конкретных подтипов побуждения либо вычленять из себя подтип побуждения, маркированный по какому-либо специфическому признаку. Так, русское *приказ* может развернуться в ряд *распоряжение, приказ, приказание, повеление, команда...* чешский *rozkaz* — в ряд *rozkaz, příkaz, příkázání, povel...* (подробнее см. в [Изотов 1998]) и т.д. Исследующая побудительно употребленные полипредикативные высказывания современного русского языка Л. А. Сергиевская говорит об «основных видах повелений» и об их «коннотациях»: *приказ* (коннотации — *распоряжение, требование, запрещение, команда*), *призыв* (коннотация — *лозунг*), *предложение* (коннотации — *приглашение, предписание, пожелание*), *просьба* (коннотации — *мольба, утешение, заявление*), *совет* (коннотации — *наставление, наизидание, предостережение, разъяснение*) [Сергиевская

1995: 77-79]. Наша интерпретация соотносительности «основных видов повелений» и их «коннотаций» отличается от интерпретации исследовательницы тем, что мы настаиваем на динамичном, текучем характере каких бы то ни было иерархизаций в рассматриваемой области, недаром рассуждающая о «семи грехах прагматики» Д. Франк предостерегает от соблазна впасть в *rage taxonomique*, подчеркивая, что «расплывчатость [vagueness] оказывается существенным свойством языковых выражений» [Франк 1986: 369]. *Распоряжение, требование, запрещение, команда* только тогда может рассматриваться в качестве «коннотаций» *приказа*, когда под *приказом* понимается разновидность побуждения, маркированная по признаку *декларация высокой степени обязательности каузируемого действия для реципиента*, то есть когда это слово используется в качестве общего понятия. Только тогда *распоряжение (требование, запрещение, команда) = приказ + сумма эмоционально-оценочных компонентов, сопровождающих денотативное значение в реальном речевом акте и влияющее на конечный смысл воспринимаемого высказывания* (рабочее определение коннотации, используемое в [Потапова 1997: 6]), в ином случае *приказ* сам является коннотацией. Подчеркиваем, что мы считаем такую точку зрения возможной, но не единственно возможной. Если рассматривать в качестве «родового» признака *приказа* не признак «высокой степени обязательности каузируемого действия», а признак «высокой степени вероятности каузируемого действия», как мы это делаем в настоящем исследовании, то *требование*, характеризующееся высокой степенью обязательности каузируемого действия для реципиента речи и низкой степенью вероятности этого действия (ср., например, [Красных 1998: 189]), не будет объединяться с *распоряжением, запрещением, командой*. Мы склонны полагать, что в то время как для носителя русского языка в *приказе* на первый план выступает признак «высокой степени обязательности», для носителя чешского языка — признак «высокой степени вероятности», именно поэтому для русского *требование* ближе к *приказу*, а для чеха *žádost* ближе к *просьбе*, так что «перед нами типичная ситуация межкультурного конфликта, когда наблюдающие один и тот же объект по-разному делят присущие ему признаки на существенные / несущественные, что приводит к диаметрально противоположным оценкам данного объекта» [Гудков 1997: 75]. Избранные нами принципы семантического членения поля побудительности в сопоставляемых языках позволяют, как нам представляется, разрешить в некоторой степени эту конфликтную ситуацию.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1998. - Вып. 4. - 128 с. ISBN 5-7552-01-11-0

Л и т е р а т у р а

- Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 251-275.
- Гудков Д. Б.* К вопросу об этнических стереотипах и межкультурных конфликтах (на примере рассказа Н. Н. Лескова «Железная воля») // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. М., 1997. Вып. 4. С. 67-77.
- Изотов А. И.* Функциональные разновидности «авторитарного» побуждения в чешском и русском языках // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М., 1998. Вып. 3. С. 52-66.
- Императив в разнотипных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л., 1988.
- Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.
- Панин Л. Г.* Семантика форм повелительного наклонения в русском языке // Филологические науки. 1993. № 5-6. С. 82-89.
- Потапова Р. К.* Коннотативная паралингвистика. М., 1997.
- Сергиевская Л. А.* Сложное предложение с императивной семантикой в современном русском языке: Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1995.
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Франк Д.* Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 363-373.
- Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.
- Храковский В. С., Билюлин Л. А. и др.* Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Grepl M., Karlík P.* Skladba spisovné češtiny. Praha, 1986.
- Mluvnice češtiny. Praha, 1987. D. III.
- Příruční mluvnice češtiny. Brno, 1996.
- Fliďrová H.* Reakce na apel v dialogu // Otázky slovanské syntaxe IV / 2. Brno, 1980. S. 213-217.